

Глава 33. Парень, я в тебя верю

— Ну и сорванец, — Вэй Вэнькан вошел в дом, держа в руках миску и деньги. Он спросил Лю Тяньцзяо: — Младший сын дяди Шао прибежал. Хотел потрохов купить, а как узнал, что всё продано, сразу на завтра заказал и деньги оставил. Как думаешь, вернуть их сейчас или ты сам потом занесешь?

Тяньцзяо, чья рука с ножом на мгновение замерла, коротко бросил:

— Не надо возвращать. Оставь у себя.

Вэнькан решил, что супруг его недопонял, и уточнил:

— Это же семья дяди Шао.

— М-м, — Тяньцзяо кивнул. — Я знаю. Сказал — оставь, значит, оставь.

Вэнькан хорошо знал его нрав: к тем, кто помогал им от чистого сердца, Тяньцзяо всегда был щедр. Столь необычное поведение наверняка имело свои причины, но расспрашивать он не стал. Лишь заметил:

— В деревне-то наш товар едва пять-шесть дворов пробовали, а двое уже сами к порогу пришли. Похоже, дело с потрохами и впрямь выгорит.

Настроение юноши тут же поползло вверх.

— И то верно! Значит, завтра снова приготовим тридцать цзиней. Что в городе не продадим — по деревне разойдется.

— Пожалуй, так и поступим, — согласился Вэнькан.

Оба они за день изрядно вымотались, так что, поужинав на скорую руку остатками овощных закусок и грубыми пампушками, завалились спать. А на следующий день поднялись еще до первых петухов.

Пока требуха томилась в котелке, они докатили тележку до городка. Солнце уже вовсю припекало, когда они добрались до лавки. У входа их поджидали двое. Тяньцзяо поначалу встревожился, не струсил ли чего, но, подойдя ближе, понял — за потрохами пришли.

— Уж не знаю, как вы их готовите, — заговорил один из мужчин, — но вкус такой, что, раз попробовав, только о нем и думаешь.

— И не говори, — подхватил второй. — Мой благоверный велел сегодня побольше взять, под вино — самое оно.

Оба покупателя были одеты в добротный хлопок без единой заплатки, да и лица их не несли на себе печати нужды.

«Видать, люди зажиточные, из крепких хозяйств»

Тяньцзяо смекнул это и, решив заполучить постоянных клиентов, расплылся в улыбке:

— Ох, господа, вы меня совсем засмутили! Давайте-ка я вам по случаю вашей верности скидку сделаю: возьмете десять порций — одиннадцатая в подарок. Как вам такое?

Обычно люди радовались и паре монет скидки, а тут — целая порция даром! Покупатели довольно закивали, выставя большие пальцы вверх:

— Вот это я понимаю — честный торговец! Будем теперь только у тебя отовариваться.

— Заходите, заходите! Для вас всегда такая цена будет, — юноша ловко упаковал свертки и, подавшись вперед, заговорщицки прошептал: — Только чур — это между нами! Сами понимаете, дело у меня маленькое, прибыль копеечная. Если всем так раздавать начну — по миру пойду. Так что скидка эта — только для своих, другим не сказывайте.

Кому не приятно почувствовать себя особенным? Покупатели, сияя от удовольствия, поспешили заверить его:

— Конечно, хозяин, не беспокойся! Могила!

Видно, утро задалось. Хоть народу сегодня было поменьше, чем вчера, зато брали помногу: кто по четыре ляна, кто по восемь. А один богатей и вовсе три цзиня отхватил — сказал, вечером гостей потчевать будет.

Медные монетки так и прыгали в кошель. Тяньцзяо улыбался так широко, что хоть завязочки пришивай. Благо зубы у него были белые, так что вид он имел самый праздничный. Как только на дне котла показались остатки соуса, он погасил огонь и, не переставая сиять, принялся считать выручку.

— Так, цзинь по пятнадцать монет... всего было тридцать цзиней товара... за вычетом тех восьми лянов, что в подарок ушли, продано двадцать девять цзиней и два ляна. Стало быть, должно выйти... — юноша несколько раз загибал пальцы, но в цифрах окончательно запутался.

Вэнькан не выдержал:

— Четыреста тридцать восемь монет.

Тяньцзяо вскинул брови:

— Ты как это так быстро сообразил? Небось, с потолка цифру взял?

Вэнькан сохранял невозмутимый вид:

— Не веришь — сам пересчитай.

Сам бы он точно не пересчитал — в лучшем случае просидел бы над этим до заката. Впрочем, сообразительности Тяньцзяо было не занимать: он вывалил всю медь на стол, разложил её кучками по десять штук и через некоторое время восторженно выдохнул:

— И впрямь, четыреста тридцать восемь! Как ты так мгновенно сосчитал?

Вэнькан позволил себе легкую полуулыбку:

— Просто нужно знать секрет. Сначала считаешь целое, потом вычитаешь остаток. Твои двадцать девять цзиней и два ляна — это почти тридцать. Тридцать цзиней по пятнадцать монет — это четыреста пятьдесят. А те восемь лянов, что не дотянули до целого цзиня, стоят двенадцать монет. Вычитаешь двенадцать из четырехсот пятидесяти — и вот тебе искомые четыреста тридцать восемь.

Тяньцзяо только головой затряс — мол, не грузи меня своей наукой.

— Ничего не понял про твои ляны и тридцать цзиней. Короче так: отныне счета — это твоя забота.

Вэнькан впервые позволил себе пошутить:

— У хороших счетоводов жалованье немалое. Что мне за это будет?

Юноша указал на корзинку, принесенную с рынка:

— Сегодня яиц купил. Пожалую тебе миску яичного пудинга.

С тех пор как не стало Лю Дафа, семья лишилась своего главного дохода — мясной лавки. И хоть в последние дни они неплохо заработали на продаже потрохов, дело это было новое, зыбкое. Никто не знал, долго ли продлится такая удача. Жили они бережливо. Как только доели свадебные угощения, мясо на столе больше не появлялось.

Тяньцзяо порывался было купить мужу кусок свинины для поправки здоровья, но тот уперся — ни в какую! Приходилось потчевать его требухой, что вместе с лекарствами из городской аптеки давало свои плоды: румянец на щеках Вэнькана становился с каждым днем отчетливее.

Но даже самые деликатесные потроха со временем приедаются. Другое дело — яичный пудинг. Тяньцзяо готовил его лишь однажды: нежный, дрожащий, посыпанный зеленым луком и сдобренный капелькой кунжутного масла. Вкус был такой, что можно было и язык проглотить.

Беда лишь в том, что кур они не держали, и каждое яйцо приходилось покупать. Потому и лакомились редко. Услышав о пудинге, Вэнькан, точь-в-точь как ребенок, преисполнился радостного ожидания. Он даже рукава засучил, намереваясь наколоть дров для кухни.

Но Тяньцзяо его притормозил:

— Куда разогнался? Сначала помоги мне огород полить. Я глянул — семена, что мы недавно сеяли, уже проклюнулись.

Вэнькан спорить не стал. В крестьянском доме работа никогда не кончается — только успевай поворачиваться.

Не мешкая, они напились воды, перевели дух и взялись за ведра. Огород у них был немаленький. Раз десять сбегав к колодцу и обратно, Тяньцзяо утер пот со лба и устало плюхнулся прямо на межу.

— Уморился... Эх, нелегко овощ-то растить.

— Твоя правда, — Вэнькан тоже вытирал пот, чувствуя, как плечи горят огнем. И это при том, что супруг, щадя его слабость, разрешал наполнять ведра лишь наполовину.

— Будь они прокляты, эти твари из старой усадьбы Лю! — Тяньцзяо в сердцах сплюнул. — Такой огород у меня был, всё сочно, всё зелено... Сердце кровью обливается, как вспомню.

Вэй Вэнькан на собственной шкуре прочувствовал, каким трудом дается каждый росток, и теперь не находил в словах юноши грубости. Напротив, он охотно подхватил:

— За всё содеянное воздастся. Рано или поздно, а кара их настигнет.

Тяньцзяо от этих слов так и просиял. Он придвинулся ближе, по-свойски приобнял Вэнькана за плечо и весело хлопнул:

— Золотые слова! Наконец-то и наш книжник Вэнькан заговорил как человек разумный!

Вэнькану по-прежнему была не по душе эта манера Тяньцзяо распускать руки, но, видя его радость, он не захотел портить момент нравоучениями. Лишь сокрушенно покачал головой.

«Ничего, — подумал он, — вот выберу время и обучу его пути Конфуция и Мэн-цзы. Глядишь, и появится в нем хоть капля того смирения, что подобает добродетельному гэ'эру»

Прошел еще добрый час, прежде чем с поливом было покончено. Легкий ветерок пролетел над грядками, колыша нежные изумрудные всходы. При мысли о том, что через пару недель на столе будут свои свежие овощи, усталость как рукой сняло.

Вэнькан не удержался:

— Цзяо Гэ'эр, а давай еще цыплят возьмем? Ну или утят. Я сам за ними ходить буду. Тогда и яйца у нас свои всегда будут.

— Ишь, во вкус вошел! — рассмеялся Тяньцзяо. — Птица — дело хлопотное. За ней с утра до ночи пригляд нужен. А у нас сейчас потроха, да и мясную лавку открывать надо — когда нам с ними возиться?

— Так потрохами-то мы к полудню заканчиваем?

— А учиться ты когда собрался?

Вэнькан охнул. И впрямь — через несколько дней ему уже в частную школу идти.

— А как же ты один справишься, когда я уйду?

У Тяньцзяо всё уже было продумано:

— Велика премудрость — потрохами торговать! Найму кого из деревенских в помощь. А вот готовить их — дело долгое да тяжелое. Тут уж ты мне по вечерам подсоблять будешь.

Вэнькан без колебаний кивнул:

— Само собой. Занятия в пять заканчиваются, к шести я уже дома буду. А поутру, в три часа, помогу тебе всё приготовить и тележку до города докатить. Как раз успею.

Тяньцзяо даже немного совестно стало — ведь парень совсем без продыху будет, и поесть-то некогда.

— Да ладно тебе, не надрывайся так. Будет время — поможешь, и ладно.

Но Вэнькан был настроен решительно:

— Нет. То, что я днем тебе помогать не смогу — и так перед тобой виноват.

Тяньцзяо не стал больше спорить.

«Ну-ну, — подумал он. — Посмотрим, на сколько тебя хватит. Как кости заломит от усталости, сам запоешь по-другому»

Вернувшись в дом, они немного отдохнули, и Тяньцзяо действительно приготовил обещанное: миску нежного, белоснежного яичного пудинга, к которому подал утреннюю фасоль и тарелку супа из ботвы редьки. С простой кашей этот обед показался им обоим царским пиром.

— Кабы каждый день так жить, — он, довольно потирая живот, растянулся прямо во дворе. Прохладный ветерок приятно охлаждал кожу, и на душе было удивительно покойно.

Вэй Вэнькан, не позволяя себе такой вольности, чинно сидел на скамье. Глядя на россыпь звезд в темнеющем небе, он тихо выдохнул:

— Да... Славная жизнь.

После долгих лет, полных горечи лекарств, эта капля сладости была дороже всего на свете. И что самое удивительное — подарил её тот самый Тяньцзяо, с которым еще месяц назад они и слова доброго друг другу сказать не могли. Судьба порой выкидывает невероятные коленца, но в этом её непредсказуемом танце было свое, особенное очарование.

В последующие дни торговля шла споро. Тридцать цзиней потрохов разлетались еще до полудня. Тяньцзяо считал выручку с таким азартом, будто принимал молодильное зелье — никакая работа не могла согнать с его лица довольного румянца.

Через три дня намечалась большая ярмарка, и Лю Тяньцзяо решил — пора брать быка за рога. Скрепя сердце, он наготовил целых пятьдесят цзиней потрохов и нарезал два огромных чана закусок. Удача должна была быть крупной.

— Так, слушай сюда, — наставлял он Вэнькана. — Ты на ярмарке будешь зазывалой и казначеем. А я — на весах и на упаковке. И помни: улыбайся людям послаще!

Вэнькан, окончательно заразившись азартом мужа, даже не заметил, как тот им командует. Он только согласно кивал:

— Понял. Уж я постараюсь, не подведу.

«И где я только такого работника нашел? — довольно подумал Тяньцзяо, похлопав того по плечу. — Считай, клад откопал»

— Парень, я в тебя верю!

<http://bllate.org/book/15343/1411902>